

ВОЛЬНАЯ ТЕМА

ЗА ТЕХ, КТО
НЕ МЕШАЛ

И за тех, кто мешал цемент

Новая газ. 2002. - 16-19 мая. - с. 22.

Евгений БУНИМОВИЧ

В это не верилось до последней минуты.

Не верилось, когда появился указ президента об увековечении памяти (как будто память можно увековечить указом). Не верилось, когда проходил открытый конкурс на лучший проект памятника — как положено, с девизами вместо имен, с запечатанными конвертами, с бурными заседаниями жюри. Не верилось, когда в итоге победил не проект скульптора X, и даже не проект ваятеля Y, и даже — во что уже вообще невозможно было поверить — не проект монументалиста Z, а замечательная работа Георгия Франгуляна.

Не верилось, даже когда комиссия по монументальному искусству после бурного обсуждения утвердила место, а Мосгордума единогласно проголосовала «за». Не верилось, даже когда на общественный совет при мэре Москвы для защиты проекта стянули все силы, а в итоге оказалось, что никакая защита не нужна, поскольку никто не нападает.

Почему же не верилось, если все происходило как раз так, как, собственно, и должно происходить? — спросит любезный читатель. Впрочем, любезный, может, и спросит, а вот искушенный — никогда. Все происходило так, как должно, — потому и не верилось.

Ведь практически одновременно и рядом, в соседнем арбатском дворе, в том самом тысячекратно воспетом окуджавском дворе, где каждый вечер играла радиолка, заиграла совсем другая музыка. Экскаваторы начали рыть котлован — и несмотря на все протесты, обращения и постановления, ни засыпать злосчастный котлован, ни остановить строительство очередного элитника не удалось. Только чуть-чуть отступил еще один новый русский триумф-палас от в том же дворике расположенного гениального дома архитектора Константина Мельникова.

...И был вечер, и было утро. И «люди стали собираться задолго до времени, означенного в пригластительных билетах», — как писали в старых путеводителях. И звучали перед открытием памятника песни Окуджавы, а на самом открытии — «союз нерушимый», потому что у посмертного огосударствления памяти поэта есть свои законы, не то чтобы бессмысленные и беспощадные, но уж точно — неумолимые и неизбежные.

Ветер задувал в завешанную большим рыжим полотнищем бронзовую арку, обтекая закрытую тем же полотнищем сутулую фигуру Булата. «Как реклама натяжных потолков», — кощунственно подумал я. «Как крылья поэта», — шепнул стоявший рядом Андрей Вознесенский, невольно обнажив всю глубину различий мировосприятия двух наших поэтических поколений.

Отметим для полноты картины, что вышеозначенный диалог поэтических поколений проходил на VIP-трибуне, после чего вслед за мэром и министром культуры мы побрели по красной ковровой дорожке возлагать к подножию официальные гвоздики. Одна отрада: подножия в смысле постаменты у поэта не оказалось. Окуджаву просто идет по Арбату, отбрасывая на затейливыми волнами выложенную старую брусчатку золотую тень.

Окуджаву вернулся на Арбат, дружным хором сообщили в свои вечерних новостях все телеканалы. «Памятник занимает 40 кв. м», — уважительно добавил телеведущий. Ну что ж, согласимся, что и сорок квадратных метров пространства культуры — это совсем немало, учитывая нынешние цены в престижном центре столицы. Кто знает, может, отсюда, из этой точки, от Булата действительно начнется процесс санации Арбата, о чем мы говорили с Франгуляном, к чему совсем недавно страстно призвал в день своего восьмидесятилетия арбатский старожил академик Сигурд Оттович Шмидт.

А с Димой Быковым мы сошлись на том, что памятник лицу не только арбатской, но и кавказской национальности, к тому же изваянный другим лицом кавказской национальности и торжественно открытый московским мэром, это тоже неплохо.

...Недели за две до открытия, когда вовсю кипели работы и носились ошалелые архитекторы, прора-

Он называл Арбат своей религией...

бы, строители, скульптор и префект, а за оградой стояли разномастные арбатские зеваки, я увидел, как к одному из рабочих подошла почти хрестоматийная интеллигентная арбатская старушка с железной банкой и попросила цемента замазать дырку на кухне. Рабочий взял банку, ушел, а старушка все мусолила зажатый в руке червонец. Я подумал: «Неужели возьмет?». Рабочий принес банку с цементом, объяснил, чего и как помешать, однако денег не взял. Вот тут-то вне всякой логики и связи я наконец поверил, что памятник будет открыт, как обещано, — ко дню рождения Окуджавы, ко Дню Победы.

После официального открытия Юра Рост, расставив неофициальные стопки на бронзовом столе, предусмотрительно изваянном мудрым скульптором, поднял тост за Булата «и за тех, кто нам помогал».

«И еще за тех, кто не помогал. Но и не мешал», — добавил справедливый Рост.

«Да и за тех, кто мешал», — добавил Рост великодушный.

И немедленно выпил.